

С. П. Шевырев

**Теория поэзии в
историческом развитии у
древних и новых народов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
С11

С11 **С. П. Шевырев**
Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов / С. П. Шевырев – М.: Книга по Требованию, 2018. – 275 с.

ISBN 978-5-518-07338-8

ISBN 978-5-518-07338-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

А. ТЕОРІЯ ПОЭЗІИ ВЪ ДРЕВНЕЙ ЕВРОПѢ.

І.

Теорія поэзіи въ Греціи.

Востокъ въ Исторіи нашей науки не существуетъ. Ни одинъ изъ народовъ восточныхъ не оставилъ намъ своей мѣттики, сколько мы можемъ это знать по изслѣдованіямъ западныхъ ученыхъ. Причина такому явленію заключается, можетъ быть, въ особенномъ характерѣ фантазіи востока, которая всегда любила неограниченную свободу и рѣшительно господствовала надъ разумною, сознательною способностью человѣка. Арабы въ своихъ мѣтахъ комментовали мѣтику Аристотеля, но, не смотря на то, ни мѣтика Греческая, ни саміе произведенія Греческой поэзіи не имѣли ни малѣйшаго вліянія на Арабскую, которая сохранила во всей чистотѣ независимую свою оригинальность.

Съ Греціи собственно начинается исторія нашей науки, равно какъ и исторія всего Европейскаго образованія. Греки въ древнемъ мѣтѣ имѣли особенное призваніе для развитія искусствъ, которые раскрылись у нихъ блистательно во всѣхъ своихъ формахъ и видахъ. Фантазія Греческая имѣетъ то существенное отличіе отъ восточной, что она дѣйствуетъ не односторонне, не безусловно-самовластно, а всегда въ согласіи съ прочими способностями души человѣческой, и особенно съ разумною, которая сравниваетъ и избираетъ, руководствуясь внутреннимъ чувствомъ изящнаго. Эта дружба фантазіи съ сознаніемъ положила классическій отпечатокъ на всѣхъ произведеніяхъ Греческаго искусства. Художникъ Греческій въ самую минуту созданія

безпрестанно отходить отъ своего произведенія и отдастъ испытующему разуму отчетъ въ своемъ творческомъ дѣйствіи.

Въ этомъ существенномъ характерѣ фантазіи Греческой, я полагаю главную причину того, по чему именно у Грековъ должна была родиться наука о поэзіи. Но и въ самой Греціи стройная и правильная теорія, какъ результатъ наблюденій надъ явленіями искусства, образовалась уже тогда, какъ самая поэзія совершила весь полный кругъ своего развитія. Греки, народъ типическій въ отношеніи къ искусству, представляютъ самое полное развитіе всѣхъ родовъ поэзіи въ ихъ естественномъ порядкѣ: эпосъ, лиру и драму. Полная пѣника существовала уже въ фактахъ прежде, чѣмъ явилась теорія Аристотеля, которая полностью, какъ мы увидимъ, устунитъ живой пѣникѣ Греции. Вотъ почему исторія поэзіи Греческой есть лучшее, живое олицетвореніе самой науки.

Не только теорія Аристотеля, изложенная въ догматической и правильной формѣ науки, но даже и отрывочныя изслѣдованія Платона о прекрасномъ вообще и о поэзіи современны Аристофану, заключившему собою рядъ великихъ поэтовъ и органическое развитіе Греческой поэзіи.

Не смотря на то, видно однако, что многіе поэты Греціи дѣйствовали съ сознаніемъ и сами были начинателями теоріи своего искусства. Извѣстно, что Софокль, доведшій Греческую трагедію до возможнаго совершенства, изучалъ свое искусство теоретически и написалъ сочиненіе о *Хорѣ* противъ Эсписа и Херила¹⁾, которое, къ сожалѣнію, не дошло до насъ, но, вѣроятно, было извѣстно Аристотелю. Софокль спорилъ и съ соперникомъ своимъ Эврипидомъ о трагедіи²⁾, и Аристотель приводитъ собственныя слова Софокла, что онъ самъ представлялъ людей, какими они должны быть, а Эврипидъ, какими они суть³⁾. Такъ въ Греціи самъ поэтъ указалъ путь философамъ въ науку своего искусства.

1) Lessing's Schriften. Berlin 1793 T. 14. Leben des Sophokles, стран. 411.

2) Тамъ же, стран. 412.

3) Aristotelis de Arte Poëtica, Editio Hermannii, гл. 26. стран. 72.

1) *Греческіе Мифы или поэтическая прелюдія къ теоріи поэзій.*

Въ такомъ народѣ, какъ Греки, поэзія которыхъ обнаруживаетъ тѣсную дружбу фантазіи съ разумною способностью, не могло не родиться и прежде сознаніе красоты ихъ собственныхъ произведеній. Наука въ формѣ изысканія философскаго, какъ мы видимъ ее у Платона, или въ формѣ кодекса положительныхъ правилъ, въ формѣ техники, какъ мы видимъ ее у Аристотеля, должна была, какъ результатъ опыта, явиться въ заключеніе искусства. Но сознаніе первоначальное, не сопряженное съ яснымъ отчетомъ и убѣжденіемъ, предчувствіе науки было у Грековъ едва ли не современно началу самой поэзіи. Въ ихъ мифахъ, происхожденіе которыхъ покрыто глубокимъ мракомъ древности, но, разумѣется, должно быть приписано поэтамъ, находимъ мы многія очевидныя, глубокія мысли о красотѣ, о поэзій, о связи ея съ науками и искусствами, о поэтическомъ вдохновеніи, о фантазій, о родахъ и видахъ поэзіи и о характерѣ каждаго. Конечно, объяснять всю Мифологію Греческую посредствомъ аллегорическихъ толкованій едва ли не есть ошибочное направленіе, которое слишкомъ ярко обнаружилось въ Символикѣ Крейцера и нашло строгихъ гонителей въ двухъ остроумныхъ критикахъ: Фоссѣ и Лапге; но совершенно отвергнуть аллегорическій способъ объясненія, особенно для нѣкоторыхъ частныхъ мифовъ, не возможно, ибо мысль сама собою сильно высказывается изъ-подъ аллегорическаго покрывала. Греческая мифологія представляетъ намъ изыщное сліяніе религіи, науки и поэзіи. Эта, богатая символами, украшенная поэтически, сокровищница первоначальной мудрости Грековъ содержитъ въ себѣ зародыши многихъ глубокихъ мыслей, позднѣе развитыхъ философами. Искони у Грековъ было страстію влгаться въ поэтическій образъ мысль, еще не ясно постигнутую умомъ, еще безотчетную; ихъ мечта была зарею истины, ихъ поэзія — предчувствіемъ философіи.

Раскроемъ же нѣкоторые Греческіе мифы и постараемся въ нихъ уловить мысли, въ коихъ выражено первое предчувствіе нашей науки.

Мифы о красотѣ. Афродита (Venus) была символомъ красоты древняго міра. По сказанію Гезіода (Θεογονία, ст. 190 — 203. —

Kreuzers Symbolik. 2 ч. стр. 613), она родилась из пѣны моря: море было колыбелью живаго органическаго міра—природы, которая олицетворяетъ красоту. По сказанію Гомера (Крейцеръ та же стр.)¹⁾, Афродита именуется дочерью Зевса и Діоны, супругою Ифеста, по чему и называется Діонеей²⁾. Здѣсь въ самомъ началѣ паходимъ мы два мнѣнія противоположныя о происхожденіи красоты, которыя, какъ мы увидимъ, несконн раздѣляли теорію искусства на двѣ противныя системы. По мнѣнію ннхъ, красота есть сама природа живая, органическая, рожденная изъ пѣны моря; по мнѣнію другихъ, она есть дочь творящей силы, Зевеса, и супруга художника.

Эросъ (любовь) рождается отъ Афродиты и Гермеса, изобрѣтателя слова и семиструнной лиры. (Крейцера Т. 2, стр. 217). Красота рождаетъ любовь. Если мы можемъ все впечатлѣнія изящнаго привести къ единству чувства и отсюда предугнать единство закона, или управляющаго. то конечно это будетъ многообъемлющее чувство любви, въ которомъ разрѣшаются всевозможныя ощущенія изящнаго въ природѣ и искусствѣ.

Венера Медицейская представлена въ мигу своего рожденія выходящею изъ моря. Первое выраженіе ея, сколько можемъ мы судить по движенію членовъ, есть стыдливость дѣвственности. Откуда процтекаетъ въ насъ стыдливость? Не отъ сознанія ли своихъ земныхъ, тѣлесныхъ недостатковъ и своего духовнаго назначенія? Это есть чувство въ высшей степени нравственное, и мы находимъ его самымъ первымъ атрибутомъ даже чувственной красоты древняго міра. И такъ неотъемлемый признакъ изящнаго есть чувство нравственное. Поэтому и Музы никогда не представлялись съ открытою грудью, какъ Амазонки, потому что Музы стыдливы и скромны: таково искусство.

Сопутницами Афродитѣ даны Хариты. Гезіодъ такъ ихъ описываетъ (Теогонія ст. 903,4). „Изъ-подъ рѣсницъ ихъ льется любви

1) Такъ въ XIV пѣснн Иліады (ст. 193) Венера называется дочерью Діа, но въ гимнѣ Венерѣ, приписываемомъ Гомеру (ст. 5). есть намекъ на то, что она родилась изъ морской пѣны.

2) Еще у древнихъ была третья Венера-Уранія (небесная), которая почиталась дочерью Зевса и Гармоніи (Винкельм. Т. 4, стр. 113).

успокоительная, и сладкіе взгляды мечутъ онѣ изъ-подъ бровей“¹⁾. Это живописное изображеніе граціи или хариты, по Гезіоду, есть лучшее ея опредѣленіе. Грація (прелестъ, χάρις) состоятъ въ выраженіи. Красота можетъ быть въ однихъ формахъ, безъ души и выраженія, но грація быть безъ нихъ не можетъ. Она есть плменно красота въ выраженіи, красота во взглядѣ, по Гезіоду, которая принадлежитъ лицу и не прекрасному. Лессингъ опредѣляетъ грацію (Laocoön 1805, стран. 182) красотою въ движеніи; едва ли не слѣдуетъ предпочесть опредѣленіе, текущее изъ словъ Гезіода: Грація есть *красота въ выраженіи*. тѣмъ болѣе, что по Лессингову же сознанію, грація, какъ онъ ее опредѣляетъ, не столько доступна живописцу, какъ поэту, тогда какъ на опытѣ мы видимъ противное.

Мысль о поэзіи. Музы — представительницы поэзии у Грековъ. Имя: Муза (Μοῦσα), по Эолическому и Дорическому нарѣчіямъ Μῶσα, производятъ отъ глагола μᾶσθαι, который имѣетъ двойное значеніе: *искать* и *изобрѣтать* (suchen, bilden und finden, 269 стран. Крейц. 3 т.). Это опять указываетъ на двойное мнѣніе, ископи существовавшее, о началѣ искусствъ и поэзіи. Музы были дочери Зевеса и Мнемозины. Зевесъ есть сила творческая, первоначальная сила жизни²⁾, которая въ мірѣ произвела боговъ и людей, по вѣрованію Греческому³⁾, а въ человѣкѣ является въ видѣ фантазіи: сны отъ Діа, говоритъ Гомеръ⁴⁾. Зевесъ, родящій молнію въ небѣ, родитъ и мечту въ головѣ человѣка. Мнемозина (μνημοσύνη), какъ самое слово показываетъ, здѣсь необходимо допуская аллегорическое толкованіе, есть память, хранительница всѣхъ впечатлѣній, всѣхъ приобретений нашей жизни. Самая Мнемозина есть дочь Земли и Урапа (Неба, Θεογονія ст. 135). Въ самомъ дѣлѣ, въ человѣческой памяти есть вещественное, земное: матеріалъ, то, что мы помнимъ, и есть небесное:

1) Τῶν καὶ ἀπὸ βλεφάρων ἔρος εἴβητο δερκομενάων Λουσμελής, καλὸν δὲ θ' ὄψ' ὀφρῶσι δερκίζονται.

2) Ζεὺς (Ζηνός) вѣроятно отъ ζῶω, ζῷ, ζῆν (жизнь, жить).

3) Ζεὺς — πατήρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε (Гомерт.). Зевесъ — отецъ боговъ и людей.

4) Ил. I п. ст. 63. (καὶ γὰρ τ' ἄνθρωπος ἐκ Διὸς ἐστίν· человекъ и сны отъ Зевеса. Глѣдичт.). — Ил. II. ст. 26. Сонъ, посланный къ Агамемнону отъ Діа, говоритъ ему: Διὸς δὲ τοι ἄγγελός ἐστι: тебѣ и Кроніона вѣстникъ.

эта внезапная искра, которая вдруг рождаетъ въ насъ воспоминаніе о предметѣ, нисколько не истекающее изъ предшествующей мысли.— И такъ поэзія, которую олицетворяють Музы, есть дочь Зевеса, способности творческой, и памяти, способности всевоспріимлющей, матеріальной. Въ этомъ мноѣ находимъ мы самое полное опредѣленіе поэзіи, примиряющее двѣ протвѣсныя системы Идеалстовъ и Реалистовъ, которыхъ безконечную распрю представить намъ исторія нашей науки.

Гермесъ, сынъ Маіи, избрѣлъ слово и семиструнную лиру. Не значить ли это, что явленіе поэзіи и музыки современно началу языка?

Связь поэзіи съ науками выражается также многими мѣтами. Аполлонъ Мусагетъ, богъ свѣта физическаго и нравственнаго, приводитъ хорохъ Музъ и выражаетъ тѣмъ дружбу поэзіи со всѣми прочими стремленіями ума человѣческаго. Въ число Музъ, представительницъ разныхъ родовъ поэзіи, приняты и Музы наукъ: Астрономія (Уранія) и Исторія (Клио). По свидѣтельству Павзанія, древнѣйшее поклоненіе Музамъ началось въ Беотіи; — тогда ихъ было только три: Μελέτη (studium), ученіе, Μνήμη, память, и Ἀσκήσις, ибсеня. Этотъ мноохъ выражается та же мысль о первоначальной связи поэзіи съ науками. Поэтическое вдохновеніе олицетворено въ образѣ крылатаго коня Пегаса, который представляетъ высшій полетъ человѣческаго духа въ созданіяхъ поэтическихъ. Этотъ конь родился отъ крови Медусы въ то время, когда Персей отсѣлъ ей голову. Имя Медусы происходитъ отъ μέδω (питаю заботу, пекусь и властвую) и сходнаго съ нимъ μέδωμι. умышляю. Мноѣ о происхожденіи Пегаса отъ крови убитой Медусы не есть ли выраженіе той мысли, что вдохновеніе свободно, что для рожденія его въ насъ потребно умерщвленіе всякой житейской заботы, всякаго земнаго умысла, который олицетворяется головою мрачной Медусы?¹)

Характеръ фантазій Греческой, не одинокой, не исключительной, но любящей жить въ согласіи съ другими душевными способностями

1) Не имѣеть ли это отношеніи къ стиху Гезіода о Музахъ. ἐν στήθεσσιν ἀκηδέα θυρόν ἐχούσας (въ груди имѣющихъ духъ беззаботный)?

человѣка. выражается весьма ясно въ нѣкоторыхъ мифахъ. Паллада-Афина, богиня мысли, носящая на щитѣ своемъ голову Медузы, надѣваетъ узду на Пегаса, смѣряетъ независимость вдохновенія (Крейцеръ, т. III, стран. 287). На Олимпѣ, въ сосѣдствѣ отъ Музъ (Θεογονία, ст. 62 и далѣе), обитають Хариты, и одна изъ этихъ Харитъ носитъ имя Эвфросины (благоразуміе, εὐφροσύνη). — Всѣ эти мысли объ отношеніи фантазіи къ прочимъ способностямъ человѣка выражены поэтическою картиною въ слѣдующемъ мѣстѣ Гомерова гимна Аполлону, гдѣ изображается апоэеоза поэзіи въ лицѣ самого Аполлона—торжественное шествіе бога пѣсень на небо (ст. 186—206):

„Аполлонъ, играя на лирѣ, восходитъ отъ земли къ Олимпу, какъ мысль, въ чертогъ Діа, въ собраніе боговъ: ибо я боги безсмертныя предлагають заботу о киеарѣ и пѣснѣ. И Музы всѣ отвѣчаютъ ему прекраснымъ гласомъ, и поють безсмертныя дары боговъ, и скорбь людей. посланныя имъ свыше... За Музами слѣдуютъ Хариты благо-власыя, горы благоразумныя, Гармонія, Геба, дщерь Діа Афродита. и всѣ онѣ пляшутъ, сіяются руками... Діана стрѣлометательница поетъ вмѣстѣ съ ними... Арей и Аргоубійца предаются играмъ... Фивъ-Аполлонъ, звуча на киеарѣ, восходитъ высоко и прекрасно, и блескъ сіяетъ кругомъ, лучи льются отъ ногъ и отъ благошвеннаго хитона. И великимъ духомъ своимъ радуются златокдеса Латона и многотумный Зевсъ. взирая на милого сына, играющаго съ безсмертными богами.“

Назначеніе каждой Музы и атрибуты, данныя имъ художниками, указываютъ на мысли древнихъ о родахъ и видахъ поэзіи и характерѣ каждаго изъ нихъ. Первоначально, до Гезіода, Музъ было только три, какъ сказано выше. Но въ Θεογονίᾳ, которая представляетъ, по мнѣнію ученыхъ (Крейцера, Фосса и Ланге), полную систему Греческаго богоначалія, мы находимъ имена уже всѣхъ девяти Музъ ¹⁾. Что касается до назначенія каждой Музы изображать извѣстный видъ поэзіи и до атрибутовъ, данныхъ имъ согласно съ

1) Ст. 77.8 и 9. Κλειώ τ', Εὐτέρπη τε, Θάλειά τε, Μελπομένη τε
Τερψιχόρη τ'. Ἑρατώ τε, Πολύμνις τ'. Οὐρανία τε,
Καλλιόπη 'θ'.

этимъ назначеніемъ, все это, конечно, принадлежитъ уже къ числу позднѣйшихъ мпоовъ Греческихъ, потому что при Гезіодѣ не были еще извѣстны многие роды поэзіи. На картинѣ Геркуланума, какъ извѣстно, изображены Музы съ ихъ атрибутами и показано назначеніе каждой. (Крейцеръ. Т. 3, стр. 289, *Pitture d'Ercolano*. Том II. tav. 2 — 9). Кромѣ того въ Ватиканѣ находимъ мы полное изваянное ихъ собраніе съ обыкновенными ихъ атрибутами, подъ предводительствомъ Аполлона Клоаріда или Мусагета (II Vaticano. Sala delle Muse.)

Вникнемъ въ значеніе и атрибуты каждой Музы: мы откроемъ здѣсь глубокія мысли о разныхъ родахъ поэзіи.

Кліо и Уранія, Исторія и Астрономія, приняты въ число Музъ: первая, какъ хранительница матеріаловъ поэзіи, вторая, какъ Муза неба, откуда первое начало самаго искусства. Кліо представляетъ земное, Уранія — небесное достоинствѣ этого міра идеальнаго. Кліо только до половины открываетъ свой свитокъ: не значитъ ли это, что не вся Исторія принимается въ міръ поэзіи? ¹⁾ Уранія держитъ въ лѣвой рукѣ шаръ, въ правой жезлъ, которымъ указываетъ на шаръ. Шаръ есть символъ неба, которое доступно поэзіи.

Калліона пазначена въ Музы эпоса. Поэты или художники, давшіе ей такое назначеніе, вѣроятно, послѣдовали мнѣнію самаго Гезіода, который поставилъ ее выше другихъ Музъ:

Καλλιόπη θ' ἥ δὲ προφανεστάτη ἔστιν ἀπασέων
 Π γάρ καὶ βασιλεύσιν ἔμ' αἰδοίσιςιν ὀπηδεῖ ²⁾.

Въ рукахъ ея — свернутая хартія прошедшаго: эпосъ отгадываетъ событія Исторіи. — Мельпомена, покрытая, держитъ трагическую маску и опирается правою рукою на булаву. Вотъ полная пластическая характеристика древней трагедии: булава означаетъ силу человеческого бореція, трагическая маска выражаетъ страданіе, покровенность, таинственную судьбу, идею рока: вѣ стихіи древней Тра-

1) Эта мысль позднѣе развита у Аристотеля.

2) Ст. 79, 80. «Калліона, превосходнѣйшая изъ всѣхъ, потому что она властвуетъ и надъ почтенными парими»

гедіи. — Таля своимъ посохомъ доноситъ о сельскомъ своемъ происхожденіи, а комическою маскою указываетъ на веселую сторону человѣческой жизни. — Прочія четыре Музы посвящены разнымъ видамъ лирической поэзіи: почему это? — вѣроятно, потому, что лирика разнообразіе въ формахъ своихъ, чѣмъ прочіе роды. Разность музыкальныхъ орудій, которыя даны этимъ Музамъ, указываетъ на различіе формъ и музыкальныхъ размѣровъ лирики. Эвтерпа держитъ иногда одну, иногда двѣ флейты; Эрато бьетъ плектромъ по лирѣ девятиструнной; Терпсихора играетъ перстами по лирѣ семиструнной и игру свою сопровождаетъ пляскою. Греческая лирика, какъ извѣстно, соединяла въ себѣ три искусства: поэзію, музыку и пляску. Наконецъ, настоящая представительница лирики, Муза возвышенной лирической поэзіи, какъ самое имя ея показываетъ. Полигимнія представляется въ положеніи размышляющемъ и кладетъ на уста указательный палецъ правой руки. Такимъ положеніемъ глубоко выражается главный характеръ лирики: сосредоточенность въ своихъ думкахъ; говоря нѣмецкимъ словомъ, субъективность лирической поэзіи.

Такъ, въ поэтическихъ мнѣяхъ Греціи и художественныхъ олицетвореніяхъ находимъ мы уже предчувствіе нашей науки, зародышъ нѣкоторыхъ основныхъ ея мыслей. Эту поэтическую галлерею мнѣовъ, столь знаменательныхъ, мы заключимъ первымъ сказаніемъ о поэзіи самого поэта, который, какъ видно вообще изъ дидактическаго его характера, отдавалъ самъ себѣ отчетъ въ своемъ искусствѣ и оставилъ намъ своя о немъ размышленія. Этотъ поэтъ — Гезіодъ: вотъ мѣсто пзъ его *Θεογονίῃ* (ст. 24 — 105), въ которомъ мы находимъ поэтически выраженные мысли о существѣ поэзіи, о вдохновеніи; о предметахъ этого искусства, о постепенномъ развитіи, о дѣйствіи его на общество. Комментарій къ этому отрывку представляетъ мнѣяторную Шитнику и доказываетъ намъ, что Греки съ самыхъ раннихъ временъ размышляли о томъ искусствѣ, котораго были первыми жрецами въ Европѣ.

Такое-то слово сказали мнѣ богини, Музы Олимпійскія, дочери Діа Эгіоха... „Мы умѣемъ говорить многое живое, похожее на

„истину: мы умѣемъ, если пожелаемъ, говорить и самую истину.“¹⁾ Такъ сказали сладкорѣчивыя дщери великаго Дія и дали мнѣ вмѣсто посоха свѣжую вѣтвь зеленаго тавра, чюдную, и *однули во меня пѣснь божественную*²⁾, да славлю я *будущее и бывшее*³⁾, и велѣли мнѣ пѣть родъ блаженныхъ всегдашнихъ, военѣвая самихъ Музъ и въ началѣ и подъ конецъ моихъ пѣсень...

„И такъ, начнемъ же отъ Музъ: онѣ на Олимпѣ увеселяютъ пѣснями великій умъ отца Дія, говоря обо всемъ, *что есть, что будетъ и что было*⁴⁾ и сливая свои голоса во едино⁵⁾. И сладкая, непостоянная пѣснь течетъ изъ устъ ихъ, — и улыбаются чертоги Зевеса широкошумлаго, слушая нѣжно-люющійся голосъ, и отвѣчаютъ главы снѣжнаго Олимпа, дома безсмертныхъ⁶⁾. Онѣ же неумолчнымъ гласомъ прославляютъ, *вопервыхъ, священный родъ боговъ* и сначала поютъ тѣхъ, которыхъ произвели Земля и Уранъ широкій, и тѣхъ, кои произошли отъ нихъ, боги — дарители благъ; *во вторыхъ, Зевеса, отца боговъ и людей*, славы отъ начала до конца пѣсни, какъ онѣ могучѣе всѣхъ боговъ и какъ великъ своею властію. *Потомъ* уже поютъ *родъ человѣковъ* и неполновою силой⁷⁾, и увеселяютъ на Олимпѣ умъ Дія. Музы Олимпійскія, дщери Дія Эгіоха, которыхъ въ

1) Въ этихъ словахъ заключается опредѣленіе поэзіи, какъ единія истины съ вымысломъ, жизни дѣйствительной съ мечтательною.

2) Вдохновеніе свыше исходитъ отъ Музъ, безъ сознанія человѣческаго: слово ἐνέπνευσεν (вдохнулъ) здѣсь пѣсма сильно выражаетъ сію мысль.

3) *Будущее* и *прошедшее* — вотъ два исключительные матеріала человѣческой поэзіи по Гезіоду: настоящее слишкомъ обыкновенное не можетъ быть предметомъ идеальной поэзіи.

4) Замѣчательно, что поэзія боговъ, поэзія Олимпа, кромѣ будущаго и прошедшаго, объемлетъ и настоящее, потому что у боговъ самая жизнь есть блаженство, поэзія. Не даромъ же Гезіодъ не включилъ настоящаго въ число предметовъ своей поэзіи. Эта мысль послужила для Бутернека основаниемъ раздѣленію поэзіи на три главные рода; но въ примѣненіи, которое онъ сдѣлалъ, она явилась ошибочною, тогда какъ у Гезіода она совершенно правильна.

5) Эти голоса, сливаемые во едино, указываютъ на общее единство между родами поэзіи.

6) Высшее наслажденіе боговъ на небѣ — поэзія.

7) Въ этихъ словахъ изложена краткѣйшая Исторія поэзіи языческой, которая начала отъ боговъ стихійныхъ, перешла къ богамъ человѣческимъ и, наконецъ, къ самимъ людямъ.